

18+

Александра Суслина

1610

РАССКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ

Александра Суслина

1610. Рассказы и зарисовки

«Издательские решения»

Суслина А.

1610. Рассказы и зарисовки / А. Суслина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-539745-4

Тонкие наблюдения, неожиданные концовки, герои, в которых каждый может узнать себя. Это и многое другое читатель найдет в сборнике рассказов Александры Суслиной «1610».

ISBN 978-5-00-539745-4

© Суслина А.
© Издательские решения

Содержание

РАССКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ	6
РАССКАЗЫ	7
Джиму	7
Мастиха	12
Короткая фаза	16
Что-то важное	18
Загадка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

1610

Рассказы и зарисовки

Александра Сулина

Редактор Елена Доброва

© Александра Сулина, 2021

ISBN 978-5-0053-9745-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ

Моей маме...

РАССКАЗЫ

Джиму

«Я никогда не думал, что буду писать нечто такое. Но сейчас у меня, наверное, просто не осталось другого выхода. Даже не наверное, а точно. Надеюсь, мое творчество вас не утомит и вы терпеливо дочитаете это письмо до конца, поскольку иначе мне причин своего поступка не объяснить, а вам – не понять. А мне бы хотелось, чтобы поняли. Ведь я не... Но об этом в свое время.

Прежде мне не доводилось никому рассказывать о себе, поэтому я не очень знаю, с чего следует начинать. Начну с того, как переехал в этот город. Мне было шестнадцать, я закончил школу, стащил у матери все накопленные средства – а там оказалось прилично – и купил билет на поезд. Так, через четыре с половиной часа я оказался в вашем городе. Мне город сразу понравился. Пустынные серые улицы, линияые рекламные плакаты, неубранные прошлогодние листья, клочья старых газет, ржавые мятые урны. Пыльные глухие окраины, какие-то недостроенные цеха, заброшенные облезлые дома с разбитыми окнами и скрипящими приоткрытыми дверями. Настоящий рай для того, кому не нужны люди и вся их глупая суета. Люди обычно бегут из таких мест, не понимают своего счастья. Едут куда-то за шумом и огнями. Зачем? Здесь для меня было все, что надо. Ночлег, дешевая еда, спокойствие и тишина. Во всем городе у меня не было ни единого знакомого, и я ни в ком не нуждался. Я был доволен. Даже странно, как десять счастливых лет, что я прожил тут, можно описать одним коротким абзацем. Что я делал все эти годы? Чем занимал свое время? Не могу вспомнить ничего конкретного, кроме кип старых журналов и газет, которые кто-то выкинул, но не порвал, а просто свалил в кучу. Сначала они служили мне только топливом, а после – сначала чтивом, а только потом топливом. Так я прожил десять лет. Десять лет, три месяца и четырнадцать дней.

В среду все изменилось. Я проснулся рано утром от капель, падающих мне на лицо. Крыша на чердаке, где я жил, давно текла, и мне приходилось постоянно перетаскивать мой спальный мешок, чтобы не мокнуть. Но в тот раз мне этого избежать не удалось. Весь левый бок моего спальника был насквозь мокрым, и мне ничего не оставалось, как начать свой день существенно раньше, чем обычно. Я часто думаю, ведь если бы в то утро не было дождя, то ничего бы и не случилось.

Я встал и побрел на улицу. Было холодно и мокро. Я шел в направлении закусочной, где изредка подрабатывал разнорабочим. Материнские деньги почти кончились, и концу седьмого года мне пришлось пойти на этот вынужденный минимальный человеческий контакт. Мне кажется, хозяин закусочной до сих пор думает, что я немой или полоумный. Это забавно.

По дороге я встретил Джима. Тогда он еще не был Джимом. Я случайно наступил на его хвост, когда шел в закусочную. Джим заскулил и посмотрел на меня. Вот так Джим стал Джимом, и дальше мы пошли вместе.

У нас была настоящая дружба. Дружба, основанная на понимании и взаимопомощи. Я его кормил, он меня грел. Не уверен, что вы сможете это понять. Наши отношения были равноправными. Никакого насилия, принуждения или превосходства. Это было самое прекрасное время в моей жизни. Мы шатались по окраинам – одинокие и свободные. Мне, правда, пришлось немного больше работать, но Джим того стоил. К зиме мы перебрались жить в другое место – это был маленький, темный, но теплый подвал в полузаброшенном крыле какого-то нежилого здания. Это сейчас я знаю, что все это время я жил прямо под вами, а тогда я знал только, что там теплее и суше, чем было раньше на моем чердаке, и нам с Джимом там было уютно вдвоем.

На самом деле человеку, чтобы выжить, нужно совсем немного. Простой еды, простого тепла. Немного воды. Это можно легко организовать везде. Хоть в лесу. А в городе, пусть и почти вымершем – вообще не проблема. С мытьем, конечно, сложнее. Но я наострился. Двухлитровой пластиковой бутылки из-под колы хватало. А когда появился Джим, проблема и вовсе исчезла. Рядом с Джимом вода нагревалась уже за полчаса. Никогда не думал, что собаки такие теплые.

Но я отвлекся. Как я уже сказал, я хочу объяснить, почему я сделал то, что сделал. С Джимом я был счастлив. А когда лишился его – моя жизнь потеряла смысл.

Это случилось через два года, после того, как мы обосновались в вашем подвале, под Новый год. Джима сбила машина. Мы с Джимом видели этих парней на улице, видели, как они, шатаясь, садились в машину. Могли ли мы предотвратить смерть Джима? Мог ли я...

Не могу вспомнить, как именно это произошло. Перед глазами только мелькают отдельные кадры. Как в комиксах. Вот Джим, еще живой, рядом. Машина трогается с места и уезжает. А через пару минут возвращается уже на приличной скорости. Потом звук удара, и Джим уже на асфальте с перебитым позвонком. Как Джим вообще оказался там? Я потерял его из виду всего на минуту.

Они даже не вышли из машины. Я похоронил Джима прямо перед входом в здание. Вы наверняка заметили странный холм посреди газона. Это единственное место, где в этом городе хоть изредка сажают цветы.

Я снова остался один, и на фоне моего зияющего одиночества город стал казаться омерзительно живым и бурлящим. Я шатался по улицам, ловя себя на мысли, что постоянно протягиваю руку, чтобы погладить Джима, который обычно держался рядом. Чтобы отвлечься, я чаще стал забредать в центр, в кварталы, которых раньше старался избегать. Там работали бары, кафе и магазины. Шумно. Глупо. Я бесцельно смотрел по сторонам, ненавидя все, на что падал мой взгляд.

В конце января я глазами зацепился за что-то, что не могло оставить меня равнодушным. Я увидел ту машину. Вы, наверное, уже догадываетесь, к чему я веду?

Но все было не так просто. Я увидел, как в нее садилась женщина с ребенком и пакетами из магазина. Я плохо спал той ночью. А на следующее утро снова увидел эту машину уже с мужчиной за рулем. Одним из тех. Он парковал ее рядом с моим подвалом. Рядом с вашей редакцией.

Это был мой шанс, но реализовать его я решил не сразу. Я подошел к машине, толком не зная, что собираюсь сделать. Подойдя совсем близко, я замер в растерянности. Мужчина посмотрел на меня мельком, запер дверь и вошел в здание. Сомнения рвали меня на части. И что я могу сделать? Идти в полицию? Набить ему морду? Я всю жизнь избегал любых контактов. Я не представлял даже, как это – ударить человека! Сломать машину? Как? Я уже повернулся было, чтобы уйти, но краем глаза заметил мятый бампер. Мятый от удара о Джима. Моего Джима.

Я никогда прежде не испытывал ярости. Я вообще не испытывал никаких особых эмоций раньше. Как будто чувствовал все через толстое матовое стекло. Даже горечь от потери Джима в полной мере я прочувствовал только в тот момент. Теперь я должен был что-то сделать. Отомстить. Но как?

Он стал моей шестой жертвой. Жертва – странное слово. Оно предполагает невиновность. Когда что-то плохое случается с кем-то незаслуженно. Как вы видите, здесь это слово не применимо. Он стал шестым, кого я убил. Почему не первым? Мне надо было порепетировать. Я не мог решиться. Он был моим экзаменом. А перед экзаменом всегда бывает тренировка. Мне надо было быть в форме, чтобы его сдать.

Зачем я рассказываю об этом? Зачем признаюсь в том, что лишил жизни шестерых, когда меня могут разыскивать всего за одно убийство. Не знаю. Просто история иначе получается неполной. А мне надо, чтоб меня поняли.

Он был единственным, кто знал, за что умирает. «Из-за псины?» – это были его последние слова перед тем, как лопата, взятая, к слову, из его же багажника, раздробила ему череп. Надеюсь, он успел достаточно пострадать от мысли, что умирает за что-то, по его мнению, очень незначительное. Мне приятно думать, что да.

За что я убил остальных? Мне надо было выбрать способ. У меня же не было ни денег, ни знаний, ни оружия, ни опыта.

С первым было сложнее всего. Хотя с точки зрения техники – это был самый простой случай. Но в первый раз все сложно. Это был приятель шестого. Также один из тех, кто сидел в машине в ту ночь, когда они сбили Джима. Алкоголик. Он упал на металлические пруты в заброшенном котловане. Помните? Он был так пьян, что достаточно было б его просто испугать, чтоб он рухнул самостоятельно. Но я нервничал, и поэтому алкоголика пришлось слегка подтолкнуть. Совсем слегка.

Эта смерть мне не принесла ни облегчения, ни мук совести. Никаких эмоций.

Второй приятель шестого ушел из жизни еще более нелепо – упал в канализационный люк. Сломал шею, кажется. Так просто убить человека, когда знаешь его привычки. Я не хвастаюсь, нет. Я следил за ним две недели. И каждый будний день он покупал в киоске сигареты и газету, закуривал и, не смотря под ноги, широкими шагами шел по пустой улице в направлении остановки. Достаточно было заметить, как часто он неосознанно наступал на крышку люка. А дальше – все просто.

Когда с ними было покончено, по плану третьим должен был стать шестой. Но с ним опять не получилось. Не знаю почему, но при виде его, я впадал в ступор.

Вы, наверное, и не думали, что ваши коллеги погибли не случайно. А скоро вы еще узнаете, что и ваша жизнь тоже находится в моих руках. Не надо было это писать. Но стереть написанное мне нечем.

Трое остальных умерли одновременно – крысиный яд случайно попал в их еду. Гм, хозяин закусочной, где я подрабатывал, наверняка не подозревал, в ужасе читая в вашей газете об этой трагической смерти, что крысиный яд пропал именно из его подсобки. Почему эти трое? Так получилось. Из них на самом деле мне бы хотелось убрать только одного, из-за него меня выгнали из подвала. Но остальные помогали ему выгонять меня, поэтому они тоже условные жертвы. Я, честно говоря, не испытываю по этому поводу никаких угрызений. Я же не виноват в том, что они решили присоединиться к нему за обедом.

Теперь я перехожу к заключительной части моего послания. Я хочу, чтобы вы опубликовали мое письмо в завтрашнем номере. Без правки. В том в виде, в котором оно есть сейчас. Я же не так уж много прошу. И это вполне выполнимо. Особенно учитывая, что на кону и ваша жизнь. Я должен увидеть это в завтрашнем номере с утра, когда первый раз в жизни буду покупать газету. Я заберу ее с собой и буду читать ее в поезде, который увезет меня далеко отсюда, и больше вы обо мне не услышите. Иначе – пеняйте на себя...»

Миссис Йоханс мельком посмотрела на себя в зеркало. Вот все и закончилось. Последние гости разошлись. Теперь можно дособрать вещи. Билеты на поезд уже куплены. Самое важное – деньги и документы – уже уложены. Завтра их с Робертом ждет поезд в новую жизнь. Подальше отсюда. Здесь их больше ничего уже не держит. Она давно хотела уехать из этого города, но сначала ребенок был слишком маленьким, чтобы переезжать на новое место, потом

Слай нашел хорошую работу, и необходимость в переезде отпала. Теперь этой работы больше нет. И нет Слая.

Миссис Йоханс сложила черное платье, в котором она была на похоронах, и положила его в чемодан. Хорошее платье, шерстяное, еще пригодится. Надо жить дальше. Майя Йоханс смахнула слезы и снова посмотрела на себя в зеркало. Бледное лицо, огромные синяки под глазами. Но нельзя раскисать, нельзя ради Роберта. Ему всего восемь. У него должна быть новая жизнь. Незвестность пугала, но тут оставаться было невозможно. Слишком много печали.

Майя заглянула к спящему Роберту. Спит, как ни в чем не бывало. Он еще слишком мал, чтобы понять, что произошло. Она поцеловала сына и тихо легла в гостиной на диване, где спала уже неделю. Спать в их со Славом спальне у нее не хватало духа. Там еще был его запах, а его самого уже не было. «Никто не виноват, просто нелепое стечение обстоятельств», – так сказали в полиции.

В шесть утра прозвонил будильник. Начало нового дня и новой жизни. Майя Йоханс разбудила сына и приготовила завтрак. Последний завтрак в этом доме, на этой кухне.

Через час с небольшим Майя и Роберт Йоханс уже сидели на лавочке на станции. До поезда еще было минут сорок. Надо купить что-нибудь в дорогу. Миссис Йоханс подошла к газетному киоску, взяла газету и комиксы для сына. Раньше она никогда не покупала местных газет – ей все рассказывал Слай, а из газеты она просто вырезала его статьи и бережно подклеивала в альбом. *Ну что ж...* Этот номер будет последним, который она держит в руках. Вчера главный редактор сказал хорошую речь о Славом. Майя положила газету и комиксы в сумку.

Миссис Йоханс тоскливым взглядом смотрела на прибывающих на платформу людей. Откуда столько? Всем куда-то надо. По своим делам. Хорошо б купе было пустым. *Нет сил смотреть на счастливые лица.*

Приехал поезд и, как назло – уже практически полный. Пришлось пройти насквозь несколько вагонов, пока, наконец, не удалось найти относительно пустое купе. Неприметный парень спал, прислонившись головой к оконному стеклу. В данных условиях, это было наилучшим вариантом.

Майя помогла Роберту снять рюкзачок и отдала ему комиксы. Мальчик увлеченно стал рассматривать картинки. Через пару минут поезд тронулся, за окном замелькал типичный пейзаж пригорода – гаражи, склады, бездарные граффити на бетонных плитах.

Майя откинула назад голову и закрыла глаза. Сквозь легкую дрему она слышала, как сын читает вслух комиксы и о чем-то болтает сам с собой. По шороху напротив она поняла, что их попутчик проснулся и, похоже, раскрыл газету. Ей не хотелось вести светских бесед, и она решила притвориться спящей. До следующей станции было еще минут двадцать.

Вскоре поезд стал сбавлять скорость, и Роберт потянул ее за рукав. Мальчик показал ей нового робота, которого ему хотелось в коллекцию. Попутчик действительно читал газету. Вдруг он рассмеялся.

– Надо же! Напечатали! Они меня напечатали! – неожиданно воскликнул он. – Я и не думал! Поверили!

Майя улыбнулась. Парень смутился и через пару минут вышел из купе. Обратного он не вернулся. «Так даже лучше», – подумала Майя.

Притворяться спящей больше не было необходимости. Майя достала газету и вытянула ноги. «Шокирующее разоблачение. Письмо убийцы – читайте на седьмой странице», – гласила наклейка на передовице. Майя развернула газету.

От редактора.

Это письмо я получил сегодня ночью, когда номер уже был сдан в набор. Информация, опубликованная ниже, конечно нуждается в проверке, но, как вы поймете из дальнейшего, у меня не было выбора – опубликовать или нет полученное письмо. Слишком многих мы поте-

ряли за последнее время. От лица редакции и от себя лично, я приношу глубочайшие соболезнования всем, кто так или иначе пострадал от этой истории, вне зависимости от того, является ли написанное правдой или это просто жестокий художественный вымысел.

С ув. Брайн Нилс

Главный редактор

Майя устроилась удобнее. Ехать предстояло еще два часа, а она всегда любила детективы.

(2011)

Мастиха

– Хорошо быть змеей. Сбрасываешь кожу, а вместе с ней и проблемы. Новая кожа, как новая жизнь. Хорошая или плохая, да если даже и точно такая же, как и была, главное, что новая. С чистого листа. Хотя, конечно, обидно, если все в точности повторяется. Кстати, а рисунок кожи у змеи меняется раз от раза? Или всегда один и тот же узор на тех же самых местах?

– Когда долго ничего не читаешь, а потом вдруг находишь интересную книгу, то погружаешься в нее с головой, и нет никакого желания выныривать из нового литературного мира, а жизнь реальная кажется блеклой и бессмысленной. И долгой. Такой долгой, что ты можешь и не узнать конец истории, поскольку ближе к концу ты всегда рискуешь быть уже в глубоком маразме. А тогда – и конец не важен, да и начало давно позабыто.

– Когда занавес поднимается, всегда ждешь чуда. Подсознательно, в глубине души. И каждый раз потом разочаровываешься – нет чуда, нет сказки, нет волшебства. Только грим и дурной сценарий. Глупость, пустота, ложный пафос. А бывает ли вообще по-другому? Или все зависит от человека? Но кто-то же аплодирует! Кто-то ведь всегда кричит «браво»! Кто эти люди?

– Есть запахи, которые из детства. Не обязательно приятные. Могут быть любые. Но как бы ни была тонка нить, связывающая наше настоящее и прошлое, эти запахи моментально переносят тебя в то время, когда ты еще чего-то ждал и на что-то надеялся. Как Монте-Кристо! Или Пинк Флойд! Дайте кофе!

– Кстати, а что вы думаете про способы обжарки кофейных зерен? Вы вообще что-нибудь об этом знаете? Я вот – нет. Но мне было бы интересно ваше мнение. Расскажите!

– Я около тридцати раз в день думаю о нем. Я специально считала. Просто так, ради интереса. Эти мысли ни во что не выливаются. Мысли просто мысли. Но ощущение, что он постоянно рядом. Хотя это и не так.

– Когда наливаешь что-то в бокал на высокой ножке, напиток сразу становится в сто раз вкуснее. Эстетика важна. Важнее, чем принято считать. Иногда – это вообще самое главное. Любая гадость в красивой упаковке – уже не гадость? Вполне возможно, что так и есть. Хотя и приятно думать, что ценишь суть, а не видимость.

– Сосна – самое лучшее дерево. Я точно не знаю, но мне так кажется. Для меня оно самое лучшее. Мне бы хотелось быть сосной.

– Странные образы мне иногда снятся. Многоликие, безмолвные, пестрые. Откуда они берутся в моем подсознании? Жаль, что я не умею рисовать.

– Когда зазвонил телефон в первый раз, мне казалось, что мне показалось. Ничто не должно было нарушать тишину в тот момент. Гармонию слишком легко разрушить. И когда телефон зазвонил, не услышать его показалось логичным.

– Пересаживать цветы – приятное занятие. Ощущение, что ты даешь им новую лучшую жизнь. Чувствовать себя творцом – очень воодушевляет. Помогать кому-либо в принципе доставляет удовольствие. Осознание оказанной помощи дает повод уважать себя. Особенно, если другого повода нет.

– Да, во второй раз я сняла трубку. Тут уже сомнений не было. Телефон действительно звонил. Нет, не помню. Там было что-то не очень важное. Иначе, я бы запомнила. У меня хорошая память, я разве не говорила?

– Мы смотрели фильм. Мы часто смотрели фильмы. Разные. Нет, я лучше напишу. Так будет проще. Правда. Просто составлю список, и вы сами все посмотрите.

– Нет, не мое! Первый раз вижу. Я правду говорю. Этот нож я вижу впервые. Уберите! Тем более, он какой-то грязный. В чем он? Не нож? А что – лопатка для торта?

– Забавно. Конечно, забавно! Вы бы слышали, как он это сказал! Мы хохотали как сумасшедшие! Потом часто вспоминали этот эпизод и снова смеялись! Сейчас снова начну! Ой, не могу, всегда не могу удержаться от смеха, когда вспоминаю!

– А почему вы спрашиваете? Вчера, кажется. Был. Да, точно, вчера был. Мы хорошо провели время. Как? Ясно как! Подробности опушу, но вы и сами понимаете!

– Не совсем так. Мне всегда казалось, что кто-то руководит мною свыше. И оберегает меня. Вы так не думаете? Мы бы многое могли, если б знали что-то наверняка. Но мы не знаем.

– Любовь? Наверное. Скорее всего, да.

– Почему вы так на меня смотрите? Тут какой-то подвох? Я жду подвоха! Всегда жду. Да.

– В чем дело, черт возьми?!

– В целом, это все. Дальше я пытаюсь еще раз спросить, что она делала вечером в субботу. Но она не отвечает. Смотрит в сторону. Я минут десять ждал, потом отчаялся и выключил диктофон.

– По сути, это все, что она вообще сказала. Наверное, это все-таки не она. Несет чушь какую-то! Помешанная, но вроде безобидная.

– Почему ты так думаешь? Мне кажется, вполне могла. И потом, мы же не знаем, когда именно у нее съехала крыша. До или после.

– Или во время. Может, ты и прав. Давай на сегодня все. Продолжим завтра. На свежую голову.

– Ладно. Сейчас все равно мы ничего нового не придумаем. Хотя мне б хотелось добить это дело побыстрее. Хочу в отпуск.

– Слушай... А может, черт с ним? Запишем – несчастный случай. Отравился алкоголем. Защищенный алкоголик. Не думаю, что кто-то будет копать глубже. Кому это надо все?

– Заманчиво. Но... не знаю... Все-таки возможно убийство. Яд.

– Да... Надоело это все. Устал. Ну, что, до завтра?

– Да, до завтра. Иди. Я еще посижу немного. Сложу бумажки. Пока.

– Пока.

– Это я. Ты спишь? Я тут подумал. Ты можешь говорить?

– Да, практически сплю. Что-то случилось?

– Я тут подумал... У меня с понедельника отпуск. И... может, ты прав. Не было там никакого убийства.

– Говори, я слушаю.

– Я еще раз прослушал запись допроса этой нашей странной девицы. Ничего оттуда не вынести. Бред.

– И что ты предлагаешь?

– Несчастный случай – отравление. Пришел отчет из лаборатории. Никаких явных ядов. Просто много алкоголя. А напоили его или он сам выпил – кто ж знает....

– Понятное дело. Завтра еще обсудим.

– Спокойной ночи.

– Расскажите, пожалуйста, откуда вы знаете жертву? Как вы познакомились? Вы знали, что у него в прошлом были проблемы с алкоголем? Вы меня слышите? Вам повторить вопрос?

– Я же тебе говорил, она молчит уже двое суток. То ли стресс, то ли – не знаю что. Но она немного не в себе.

– Хорошо. Я еще попытаюсь.

– Ладно, удачи. Я пошел. Если что-то удастся узнать, дай знать. Пока.

– Да, конечно.

Вы не против, если я закурю. Уже десять лет пытаюсь бросить, и все никак. И каждый раз больше, чем на одни сутки меня не хватает. Вот такая история. И каждый раз даю себе слово – с нового года – новая жизнь.

1.

Змеи? Гм, интересно, любите змей? Я вот не очень. Хотя дети регулярно смотрят про животных, там и про змей попадается. Я дочке год назад книжку про ящеров всяких подарил, так она не вылезала из нее три месяца.

2.

Думаете, Алекс был не в себе? Не осознавал, что делает? Сам отравился? Но подумайте, известный актер. Востребованный. С чего бы ему? Мы с женой на него ходили в театр недавно. И тут сам отравился? Как-то неправдоподобно. Нет?

3.

Вы замечали что-нибудь в последнее время? Может, его что-то волновало? Может, он нервничал? Чего-то боялся? Кто-то стал на него давить? Например, из прежней компании? Мы ведь все версии должны отработать... Не знаете? Может, с бывшей женой что-то не поделил?

4.

Да, без кофе тут не обойтись. Хотите? У нас тут автомат в коридоре.

Держите. Конечно, не бог весть что, но все-таки. За углом кофейня есть, знаете, вот там кофе! А это... ну, лучше, чем ничего...

5.

Да что тут рассказывать. Я и не знаю ничего. Просто люблю смотреть, как зерна готовят к помолу, как мелят. Я, когда за женой ухаживал, все ждал ее часами и сидел в кофейне, смотрел, как они кофе варят. Так уже сто лет никто не делает. Но каждый раз, когда иду на работу мимо этой кофейни, вспоминаю молодость. Ну да ладно...

6.

Тридцать раз! Много! А он не рядом почему? Я имею в виду – потому что мертв или вы давно расстались? Это важный вопрос. Просто надо понять, как и почему такой парень из жизни ушел. Сам или помогли ему? Как так вышло...

...Не молчите...

...Вот еще вчера был живой-здоровый, веселился, новый спектакль отыграл, говорят, а сегодня – вот сидит без движения перед бокалом. В театральной, скажем прямо, позе. Как постановка какая-то.

7.

Это да. А кто наливал, не знаете? Может, вы наливали?

...Опять молчите... Вкусное что-то было в бокале. Я по запаху понял. Запах такой приятный... как будто хвоей пахнет. Есть какой-то ликер такой. Не помню название.

8.

Жаль, никак не вспомнить название ликера... Вы не знаете? Бывает, крутится слово в голове, и никак вспомнить не можешь. И мучаешься, мучаешься. Одна надежда, что во сне приснится. У меня так однажды было.

9.

Ладно, вернемся к прошлой субботе. Он звонил вам дважды. Вы разговаривали? О чем? Что он хотел?

10.

Гармонию... Чем вы были заняты в тот момент? Работали? Смотрели телевизор? Принимали душ? Какую гармонию не хотели рушить? В момент звонка?

11.

А почему нет другого повода? Не довольны жизнью? По вам и не скажешь. Все при вас. И жених вот был тоже...

...ладно... Значит, в первый раз вы не ответили на телефон. А во второй раз?

12.

Нет, не говорили. Значит, вы помните, как прошла ваша последняя встреча? Во сколько он от вас ушел? На какой ноте вы расстались?

13.

М-да, что-то у нас не клеится беседа. Может, я вам покажу кое-что? Посмотрите, это ваше?

14.

Нет, не лопатка. Этот предмет мы нашли рядом с телом. Похоже на обломанный нож для писем или какую-то деталь от чего-то пока непонятного. Вы улыбаетесь? Что я сказал смешного? Вы узнаете эту вещь? Или знаете, что это такое на самом деле? Или... что?

15.

Какой эпизод? Что вы часто вспоминаете? Фуф... как же трудно... Хорошо, начнем сначала. Когда вы видели вашего жениха последний раз.

16.

Позвольте, вчера была среда. Вашего жениха не стало в субботу. Вы не могли быть с ним вчера. Вчера вы уже были у нас тут. И никак, повторяю, никак не могли проводить время со своим женихом. Или к вам приходил его призрак? Вы что, верите в призраков?

17.

Хорошо. Вы понимаете, что ваш жених умер?! И вы это понимаете?! ... Простите, я не должен был выходить из себя. ... В каких отношениях вы были с погибшим? Вы его любили?

18.

Вы не уверены? Вы собирались за человека замуж, его находят мертвым при странных обстоятельствах, а вы ведете себя неадекватно! Представляете, как это выглядит со стороны! Вы же главная подозреваемая? Это разве непонятно?

19.

Хорошо, попробуем снова. Суббота вечер, вы сажали цветы? Верно? Что было потом? ... Не молчите...

(2013)

Короткая фаза

Мартин закрыл глаза. Притвориться спящим казалось единственным правильным выходом. Я как будто сплю и ничего не вижу. Ничего не знаю, ничего не чувствую. Пасую. Ход переходит к ней. За ней теперь последнее слово, следующий шаг. То, как произойдет это неизбежное расставание, теперь зависит только от нее. Интересно, как она поступит? Может, просто оставит записку на кухне? Или тихо поцелует меня в щеку? Или в лоб? Может, в губы? Тихо поцелует и на цыпочках выйдет из комнаты, квартиры и моей жизни? А может, просто оденется и уйдет, не оглядываясь. Я для нее уже в глубоком прошлом. Далеко позади. Надо не выдать себя, я сплю, как спал раньше. Этой ночью, правда, я не спал ни минуты, но об этом ей знать не надо. Она давно уже все для себя решила. Кто я, чтобы мешать ее планам? Вмешиваться в судьбу? Никто. Нет, я не могу никак повлиять на ее решение. Не могу и точка. И не должен был бы, даже если б мог. Что я могу ей предложить? Мог предложить? Или еще не поздно? Вскочить, обнять, пообещать золотые горы? Только не уходи! Не бросай меня! Нет, этого не будет. У меня есть гордость, в конце концов. Я мужчина. Что ж, придется быть мужчиной до конца. Сегодня. Но, черт возьми, как же трудно! Даже больно, боль почти физическая, дышать тяжело. Да. Она и есть физическая, самая настоящая физическая боль. Но я ничего не могу сделать! Где-то у меня была бутылка.

Мартин перевернулся на другой бок. Что ж, так даже правдоподобнее. Я, когда сплю, всегда верчусь туда-сюда. Я сплю. Ничего не вижу и не слышу. Гм, в ванной что-то упало. Или она специально уронила, чтоб я проснулся... но нет, я сплю. Может, я зря притворяюсь? Сокращаю время, которое мы могли бы провести вместе. Но, с другой стороны, все же решено. Зачем тянуть. По-хорошему, надо было расстаться вчера. Но... Последняя ночь вместе – в этом было что-то трагичное и романтическое одновременно. Какая-то готика.

Мартин снова перевернулся. Теперь он лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку. Подушка приятно холодила. Под одеялом было тепло и уютно. Сейчас только десять часов утра. Ужасно рано для субботы. Но ей надо было встать, многое успеть. Интересно, она нормально спала? Да, кажется. Ей даже что-то снилось, а я вот – не сомкнул глаз. Она спала. Почему все так складывается неудачно. Это, конечно, не первое расставание в моей жизни. Но первое – без явной причины. Все было так хорошо. Но недолго. Может, именно поэтому так хорошо. Я же изначально знал, что это долго не продлится. Но именно в этот раз хотелось бы дольше. Закон подлости. Ирония.

Я справлюсь с этим. Никто даже и не заподозрит, что со мной что-то не так. А со мной и на самом деле все так. Все в порядке. Все? Почти все. Обманывать себя нельзя, я же понимаю. Да, трудно, но будет легче. Уже завтра. Или послезавтра.

Шум воды стих. Так, еще какое-то время она будет в ванной, я могу лежать спокойно. А потом настанет самый трудный момент. Но пока еще ничего, нормально, есть еще время. Черт! Я не хочу, чтоб она уходила. Не хочу. Черт. Черт. Черт!

Она может уйти, так и не зайдя ко мне в комнату. Хотя нет, тут же одежда. Мартин открыл глаза и оглядел комнату. Забрала одежду. Значит, и правда вполне может уйти, так и взглянув на меня на прощание. Но она так не сделает. Не сможет.

Она меня любит. Я знаю. Хотя она никогда не говорила об этом прямо, но я уверен, что любит. А если любит, то не бросит. Что-нибудь ее остановит, обязательно. Мартин закрыл глаза и снова лег на спину. Она выйдет, вся одетая, накрашенная, готовая к выходу и заглянет ко мне. Так и будет, я знаю. Мартин снова перевернулся на спину.

– Ты такая красивая. Господи, какая же ты красивая, я тебе не говорил?

– Говорил, и не раз, – она посмотрела на Мартина взглядом, полным нежности.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала, ты должна знать. Но это твое решение. Я не в праве....

- Что же мне делать?
- Остаться!
- Мартин, ты же понимаешь...
- Ну ты же можешь остаться? Просто тут со мной. Рядом.
- Ох, Мартин... мы же говорили об этом, уже поздно....
- Я, наконец, понял, что не смогу без тебя. Нет, я могу, но не хочу...
- И ты мне говоришь это сейчас, когда я уже опаздываю на самолет? Как-то нереально это...
- Да, но тем не менее... останься... Я никогда не думал, что попрошу тебя об этом, не думал, что решусь... Но я постараюсь...
- Мартин, я тебя не узнаю...
- Я сам себя не узнаю...
- Мне теперь еще сложнее стало....
- А мне, как ни странно – легче. Я сказал то, что давно хотел, но не решался... мой последний шанс, чтобы тебя удержать...
- Эгоист!
- Да, зато я буду знать, что сделал, что мог. Я люблю тебя! Не уезжай! Это, оказывается, было так легко сказать...
- Любишь?
- Да.
- Я, кажется, уже опоздала на поезд в аэропорт.
- Так и должно было быть! – сказал Мартин, стягивая с нее шарфик.

Мартин перевернулся на бок и открыл глаза. Привычным жестом он потянулся к соседней подушке, но там никого не было. Часы на столике у кровати показывали десять двадцать. В квартире было тихо. Она ушла, не оставив записки.

(2013)

Что-то важное

«Сколько раз вам приходилось слышать о том, как трагедии и крупные жизненные потрясения помогали людям понять смысл жизни, научиться выявлять важное и это важное ценить. Я слушал об этом всю свою жизнь – сначала от деда, в его рассказах о военном времени, от тетки, потерявшей в аварии всю семью и нашедшей себя в религии, от сестры своего приятеля, половину своей жизни героически борющейся с раком. И это, не считая множества книг и фильмов.

Думая об этом, я, бережно оберегаемый судьбой и матерью от всего, что может случиться со мной трагичного, мог прийти только к одному выводу. Мне пока еще не открылась великая истина о смысле жизни и не откроется, пока со мной не случится что-то ужасное, которое и поднимет занавес, отделяющий меня нынешнего от меня просветленного.

Не думайте, что я пришел к этому выводу сразу. Все разумное во мне сопротивлялось такому подходу. «Как же так, – думал я, – неужели люди настолько глупы, и без трагедии никак не обойтись. Неужели понять, что по-настоящему любил, можно только тогда, когда уже навсегда потерял? Неужели оценить любовь, дружбу или родство душ можно, только оказавшись на необитаемом острове или полумёртвым на поле брани? Не может такого быть! Я же ценю это и без жизненной катастрофы! Может, это я такой уникальный и умею ценить то, что имею сейчас? Вряд ли! В конце концов, все смотрят одни и те же фильмы и должны учиться на чужих ошибках». Наверное, я был слишком наивен.

Нет, я вовсе не жил в тепличных условиях. На мою долю выпадали страдания, довольно сильные, но, видимо, не настолько, чтобы изменить восприятие жизни. Когда уехала Лори, я очень страдал. Но не потому, что вдруг понял, что любил ее. Я это и так знал и ценил каждое мгновение, проведенное с ней рядом. Но ей надо было уехать, и я страдал объективно – от разлуки с любимой. Когда умерла мама, жизнь, казалось, остановилась. Я долго не мог оправиться и сейчас еще не вполне смирился с этим фактом. Я очень грустил, но мое мировоззрение, как ни странно, и от этой потери не изменилось ни на каплю.

В общем, я всегда думал о том, что я просто хороший, хотя и одинокий человек.

А потом я кое-что сделал. Кое-что не хорошее и не очень мне свойственное. Нечто, совершенно не укладывающееся в мою натуру и образ мыслей. Я кое-кого убил. Не могу сказать, что это было запланировано. Просто так получилось – вышел из себя на минуту, и вот результат. Передо мной труп и окровавленная лопата.

Не могу сказать, что со мной произошло что-то трагическое или катастрофическое. Но, тем не менее, это было для меня сильным эмоциональным потрясением, в результате которого моя картина мира действительно пошатнулась. Не буду утверждать, что я сразу стал все видеть в другом свете или перестал ценить все, что ценил раньше. Нет. Но что-то изменилось, я не мог понять что, хотя ощущал это совершенно определенно.

Я спрятал тело в лесу недалеко от своего дома. Помню, когда возвращался ночью домой с лопатой, той самой лопатой, меня немного знобило, но я чувствовал странное возбуждение. Во рту даже было немного сладковато. «Адреналин», – подумал я тогда.

Следующие три недели, пока никто не спохватился о пропаже, и не началось расследование, я жил как на иголках. Но каждый укол этой иголки, каждая случайная полицейская машина или встреченный общий знакомый приводили мое тело и мозг в приятное трепетание – как будто на первом свидании. Страх быть разоблаченным и пойманным, чувство опасности добавляли мне остроты жизни и незнакомое прежде ощущение собственного превосходства над окружающими.

Но я не думал о том, чтоб убить еще кого-то. Я по-прежнему ценил и уважал чужое право на жизнь. Так что, маньяк из меня бы не вышел. По крайней мере, не сразу. Хотя признаюсь, я подумывал о том, чтоб избавить мир еще от какого-нибудь придурка.

В общем, к чему я все это. Сильные эмоции действительно могут помочь переосмыслить ценности. Но только возникает вопрос – все ли ценности стоит переосмысливать? И если сильный стресс может помочь грешнику стать праведником, то что он сделает с праведником? Правильно....

Д. перечитал свое письмо к адвокату. Тот просил изложить позицию в письменном виде. «Расскажите мне о себе, о своем отношении к жизни вообще и к этому делу. Я должен узнать вас лучше, – просил адвокат, – это необходимо для проработки линии защиты. Напишите что-нибудь личное, что-нибудь важное, о том, что любите, что цените, в свободной форме».

Д. прочитал письмо еще раз. Два листа крупного понятного почерка. Неплохо получилось – хоть в газету отправляй. Д. усмехнулся: «Но, если отдать письмо адвокату в таком виде, мне вряд ли светит что-то кроме электрического стула. Жаль, но ничего не поделаешь, – Д. разорвал вторую страницу на мелкие кусочки». Первая страница кончалась фразой «одинокий человек».

Д. снова сел за стол и склонился над чистым листом бумаги. Немного подумав, он написал:

«Моя жизнь текла бы так и дальше, если б меня не обвинили в этом кошмарном убийстве. Зачем только я пошел на то барбекю к соседям? Там какой-то подвыпивший десантник из числа гостей прицепился ко мне и стал доказывать, что я не видел жизни, поскольку никого в жизни не убил, «не почувствовал запах смерти» и «не ощущал власть». Меня это утверждение взбесило. Я пытался объяснить, что у меня другие взгляды на жизнь. И что жизнь вообще есть величайший дар, который надо ценить. И нам не дано право решать... Но десантник твердил и твердил свое, а я все больше злился на себя за то, что вообще ввязался в этот разговор. Мы чуть не подрались, это правда. Но это он полез на меня с кулаками.

Вам я могу сказать честно, что уж не знаю почему, но его дурацкие слова засели в моей голове. «Какие же бывают идиоты, – думал я, – Как они могут мыслить так нецивилизованно. Власть на чужой жизнью! Какой ужас! Вот бы кому-нибудь дать власть над его жизнью, я бы тогда посмотрел, как он запоет! И сколько таких идиотов! И если у них в руках оружие, то во что превратится мир! Честное слово, без таких людей на этой планете и правда, стало бы лучше! Это была бы небольшая жертва».

И если бы не страх наказания, я бы возможно попробовал. Но как я уже говорил, я умею ценить то, что имею. И имеющаяся у меня свобода во всех смыслах этого слова бесконечно ценима мною даже без угрозы ее потери.

Поэтому, господин адвокат, я заявляю, что никак не причастен к смерти гражданина М., бывшего десантника. Даже несмотря на мои отпечатки пальцев на орудии убийства и том факте, что он был убит этой лопатой рядом с моим домом. Ее, в конце концов, мог взять кто угодно, она всегда стоит около сарая, а ворота у меня никогда не заперты. Вы можете братья за мое дело с чистой совестью».

Адвокат вышел из своего кабинета. Дело выглядело не сложным. Кажется, обвиняемый и правда невиновен. То, что орудие убийства – лопата – принадлежала обвиняемому, говорило в его пользу. Естественно, на ней его отпечатки, чьи же еще! Пара свидетельств с того пикника у соседей – про конфликт с пьяным десантником – это можно преподнести как обычный бытовой конфликт. Бывшие военные – народ взбалмошный и непредсказуемый. Обвиняемый же,

судя по письму, кажется вполне спокойным и внушает доверие. Да, дело выгорит. Был теплый осенний день. Адвокат перешел улицу и зашел в кафе за булочками.

(2014)

Загадка

– Добрый день! Меня зовут профессор Нил. Я буду вести у вас предмет, раньше о котором вам слышать не приходилось. Или вы слышали? Слышали. Какие хитрые! От кого? А от старших курсов! Мои бывшие ученики... Конечно... разболтали...

Ну, хорошо, что именно вы слышали о моем предмете? Что, в конце концов, заставило вас выбрать именно этот курс среди прочих?

Я отвечу за вас, друзья. Интрига. Ну и, конечно, увлекательнейшая личность профессора. Меня зовут профессор Нил. Как я уже сказал.

Мы с вами будем встречаться раз в неделю по четвергам, с пяти до половины седьмого. В середине небольшой перерыв. Курс рассчитан на полгода. В конце – экзамен.

Вопросы?

Да, спрашивайте-спрашивайте, не смущайтесь! Что вас интересует? Какая странная и загадочная у вас улыбка! Вас что-то очень интересует! Как вас зовут? Дэвид! Очень приятно, Дэвид!

Так что же, Дэвид, вы хотели спросить, но застеснялись?

Загадку? Про загадку? Какую загадку? В конце семестра? Ох уж эти старшекурсники! Хотят испортить мне всю интригу. Да, есть загадка, если ее отгадаете, то поставлю сразу высший балл за экзамен. Но ее еще никто не отгадал, так что, если надеетесь не посещать лекции и легко отделаться, то вы ошибаетесь, дорогие мои.

Сложность загадки в том, что она субъективная. Очень-очень! И вы должны поверить в мою честность, когда я буду говорить вам о том, правильное ли было ваше предположение. Мало кто готов доверять настолько сильно. Более того, у каждого есть только одна попытка.

Вы все еще хотите поиграть в эту игру, Дэвид? Кто еще хочет? Да, конечно, отказаться можно всегда. Все хотят. Что ж отлично.

Итак, загадка: что я вижу, когда вижу это. Я напишу на доске:

5327468

Вот и все. Очень просто. Да-да, ничего не понятно. И очень субъективно, как я и предупреждал. Но я клянусь сказать честно, если кто-то отгадает.

О, я вижу возмущение в ваших глазах. Вы ждали детективную историю? Нет, друзья мои. Все гораздо проще, но и сложнее одновременно. Субъективность – трудная штука. Вы можете пытаться понять меня, можете попытаться просто угадать, в любом случае – если ответ будет верным, я честно признаюсь в этом угадавшему. Обещаю.

Смотрю, вы хотите версию прямо сейчас? Как вас зовут? Дин? Давайте, Дин! Дерзните!

Думаете, это номер телефона? Ну, угадали вы или нет, я скажу вам лично. Вас это удивляет? Ну право же, если вы угадали, то все воспользуются вашей удачливостью, а это нечестно. А если нет, то вы просто повысите шанс остальных на правильный ответ. Поэтому потерпите до конца занятия.

Кто-нибудь еще? А, испугались. Всего одна попытка. Но любопытство уже растравлено. Вроде глупость, а любопытно. Так ведь?

В общем, ответить на поставленный вопрос можно, если внимательно наблюдать, слушать, анализировать... ну или просто может повезти угадать, конечно. Но, замечу, что первое умение вам в жизни и работе пригодится сильно. Второе, впрочем, тоже. Но везучести научиться ещё никому не удавалось. Вот так, дорогие мои. На сегодня все.

Дин, погодите, вы же хотите узнать ответ? А, вы уже поняли, что не отгадали! Что ж! Это хорошо вас характеризует, дорогой мой. До встречи на следующей неделе.

- Нил, как тебе это удастся? Что ни год, у тебя не меньше сорока человек на твой факультатив. Чем ты их заманиваешь?
- Брось, Карл. У тебя тоже всегда полно народу.
- Да, но у меня обязательный курс, без которого никуда...
- А у меня тогда, считай, просто интересно...
- Кто-нибудь отгадал уже?
- Пока никто...
- Я вот тоже уже лет десять гадаю, и все никак...
- А ты бы мог, даже обидно! Ты бы мог, Карл...
- Это не математика, мы уже это сто раз обсудили... не последовательность, не прогрессия. Ни код, ни шифр... Черт, Нил, я – технарь, я логически мыслю. Нет у этих цифр смысла.
- Есть, но субъективный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.